

О. Б. Степанова

СЕЛЬКУПСКИЕ МАНЬЩИКИ: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ИЗГОТОВЛЕНИЕ, ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

А Н Н О Т А Ц И Я. Проводится идентификация привезенных автором из экспедиции для пополнения коллекций МАЭ селькупских маньщиков — деревянных имитаций уток, используемых селькупками для утиной охоты. Инициировал исследование возникший в процессе регистрации маньщиков в фонды МАЭ вопрос о времени появления этого типа предметов в быту селькупов. Рассматриваются способы охоты на уток и охота с применением маньщиков в прошлом и настоящем у селькупов и соседних с ними народов; анализируются сибирские традиции изображения птиц и оцениваются плотницкие навыки селькупов. Маньщики проверяются на наличие символических смыслов. Через измерение пропорции «вещности» и «знаковости» определяется семиотический статус маньщиков в селькупской культуре. В результате исследования устанавливается принадлежность маньщиков к исконной селькупской охотничьей традиции.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А: селькупы, современная и традиционная охота, приспособления для охоты, маньщики, традиционная символика утки, традиция изображения птиц у народов Сибири

УДК 39(=511.2)

DOI 10.31250/2618-8619-2020-2(8)-212-220

СТЕПАНОВА ОЛЬГА БОРИСОВНА — к.и.н., научный сотрудник отдела Сибири, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: stepanova67@mail.ru

Маньщик — имитация животного, которая используется в охоте на это животное для его приманивания. В 2018 и 2019 гг. автор привезла из экспедиций к селькупам и сдала в фонды МАЭ пять селькупских уток-маньщиков. Вошедшие в отдельную коллекцию МАЭ утки-маньщики вытесаны из дерева топором в натуральную утиную величину, доструганы ножом, два из них отшлифованы наждачной бумагой. Изображения уток объемны, головы и шеи вырезаны отдельно и прикреплены к туловищу гвоздями или шурупами. Три из пяти маньщиков выполнены без крыльев. У двух маньщиков, предназначенных, по словам информантов, для охоты на гоголя, крылья вырезаны из белого пластика и прибиты по бокам туловища маленькими гвоздями. Изображения уток-маньщиков отличаются реалистичностью и имеют «портретное» сходство с утками и гусями (рис. 1).

Согласно полевым материалам автора, способ использования маньщиков следующий: от 2–3 до 15–20 маньщиков спускают на воду на озере или ручье недалеко от берега. Маньщики привлекают живых уток, по которым стреляют или на которых накидывают сеть спрятавшиеся в кустах охотники. В днище («брюшке») каждой утки-маньщика вбит гвоздь с привязанным к нему полипропиленовым шпагатом, с его помощью маньщиков вытаскивают из воды, когда их миссия выполнена. Хранят маньщиков подвешенными на деревьях рядом с водоемом или сваленными под каким-нибудь деревом на стойбище (рис. 2, 3).

Иногда селькупы вырезают уток-маньщиков из фанеры (рис. 4), такие плоскостные изображения снабжены древком, с его помощью маньщика втыкают в дно водоема. Маньщики, которых применяют при охоте на гусей, вырезаются похожими на гусей, хотя, по некоторым сведениям, сходство маньщика с объектом охоты роли не играет, так как птицы подлетают к любому птичьему изображению.

Маньщики, вошедшие в коллекцию МАЭ, были привезены автором со стойбищ на р. Ширта и Коралька — притоков р. Таз. Во время экспедиционных работ автор фиксировала присутствие уток-маньщиков на многих селькупских стойбищах, т.е. используются они сегодня селькупками широко и активно.

При регистрации маньщиков в фонды МАЭ перед автором встал вопрос, к какой культуре они относятся как класс предметов — традиционной или современной. Вопрос оказался неожиданно сложным. Предлагаемое исследование посвящено изучению этого вопроса и проверке обеих версий происхождения маньщиков.

Основные материалы, на которых строилось исследование, были взяты из монографии С. В. Иванова «Скульптура народов севера Сибири» (1970), содержащей сведения о деревянных изображениях животных у селькупов и соседних с ними народов. Второй опорой исследования были собственные полевые материалы и разработки автора по различной тематике в области селькупской этнографии. Ценную помощь исследованию оказали устные сообщения коллег, в первую очередь хранителя фондов Сибири МАЭ В. А. Киселя. Отдельные привлекаемые к работе сведения были почерпнуты из трудов А. В. Головнёва и Н. А. Тучковой (2005), И. Н. Гемуева и А. И. Соловьева (1984), П. Третьякова (1871) и др. Поддержавшей исследование теоретической работой была статья А. К. Байбурина «Семиотический статус вещей и мифология» (1981).

В пользу принадлежности маньщиков к современной культуре и недавнего их появления у селькупов говорит целый ряд собранных автором материалов.

Первым в этом ряду можно назвать отношение селькупов, которое они сами демонстрируют к маньщикам. Селькупы относятся к ним не как к предметам уходящей старины (а ценность старинных предметов они хорошо понимают), а как к легко восполнимым вещам современного обихода. Селькупы дарили автору маньщиков без сожалений, со словами, что они в любой момент «еще себе таких сделают легко и сколько нужно», и проявляли непонимание в том, зачем они мне нужны. То есть статус этой вещи в глазах селькупов был очень низкий.

Второе: в описаниях традиционной охоты селькупов на перелетных птиц, содержащихся в литературе, упоминания об использовании маньщиков отсутствуют. В разделе «Охота» энцикло-

педии «Народы Западной Сибири» Н. А. Тучкова и А. В. Головнёв описывают способ охоты на перелетных водоплавающих птиц с помощью сети — «перевеса». Согласно этому способу, между озерами устраивалась просека, поперек которой на высоте перелета уток подвешивалась большая сеть. Авторы пишут: «Обычно водные птицы после взлета не сразу набирают высоту, а делают круг над водоемом; видя проход среди деревьев, они дружно устремляются в него и попадают в сеть; “перевес” тут же падает, накрывая всю стаю, а засевшие в кустах охотники вылавливают и добывают добычу» (Головнёв, Тучкова 2005: 325). Этот же способ кратко описывает Е. Д. Прокофьева в томе «Народы Сибири»: «Летом на озерах промышляли коллективно линных гусей. Обычно несколько семей съезжалось к озеру. На обласках загоняли гусей в один из заливов и сетями, натягиваемыми поперек залива, запирали им выход в озеро. Сверху гусей накрывали сетями и били их веслами, душили, ловили руками» (Народы Сибири 1956: 669). По словам современных информантов, после охоты добытых птиц раньше складывали в ямы со снегом: утки прилетали в последних числах мая, когда еще не весь снег растаял.

На существование другого способа охоты, который, по-видимому, применялся не весной и не осенью, когда утки прилетали-улетали, а летом, когда они вели не стайный образ жизни, указывает наличие у селькупов специальных стрел для утиной охоты. Эти стрелы описывают И. Н. Гемуев и Соловьев: «Сипаль-тище — стрела с длинным и тонким вильчатым наконечником, предназначенная для охоты на уток (сипа — утка, тище — стрела). Наконечник сипаль-тище вырубался (выковывался) из железа. При последующей обработке затачивались внутренние стороны вилки и заострялись ее концы. Известен и особый вариант стрелы сипаль-тище. В древке прорубалось отверстие, сквозь которое продевался шнур. Один конец его закреплялся на древке, а другой оставался у охотника. Такое приспособление облегчало добычу подранка. Для поражения летящей утки первоначально выпускалась “свистящая” стрела (куваль-тище). Она издавала в полете звук, похожий на свист ястреба. Утка приводнялась, и тогда по ней стреляли уже “утиной стрелой”» (Гемуев, Соловьев 1984: 39–54). То есть летняя охота не на стаю, а на отдельных утиных особей тоже существовала, лук в ней в XX в. был заменен ружьем.

По современной информации, утки-маньщики используются только во время весенней охоты. Коллективный характер охоты на перелетных птиц давно ушел в прошлое. Охота стала сугубо семейным занятием, теперь в ней принимает участие не более двух-трех человек (Степанова 2005). Можно предположить, что это обстоятельство изменило способ охоты, уток и гусей теперь завлекают в то место, где устроена ловушка, не на челноках, а с помощью маньщиков, и маньщики позволили селькупам обходиться в охоте малыми силами.

Версию о нетрадиционности уток-маньщиков поддерживают также мнения селькупов-информантов, которые «точно не знают, но думают», что способ охоты с помощью маньщиков был заимствован от русских. Селькупы обычно называют маньщиков по-русски маньчуками и гоголями (слово «гоголя» у них женского рода). Тяжело полученное автором у информантов селькупское название маньщиков *сурый по, сурый поллака* — деревянная птица (зверь) или птичья деревяшка — не указывает на исконность, оно скорее принадлежит к разряду «говорю, что вижу» и не содержит никаких семантических значений.

Между тем в мировоззрении селькупов утки обладают богатой символикой. В мифологической картине мира селькупов утки — небесные птицы (*нут сурит*) — живут около дома «жизненной» старухи *Илынты котта*, Матери всех селькупов. Ее дом расположен в верховьях реки, в семиянном животворящем болоте, на самом «верху», на юге. В вертикальной картине мира *Илынты котта* проживает на небе. Здесь же, рядом с домом старухи, растет священное «небесное листовое дерево», на ветвях которого висят солнце и месяц. Старуха ведает вопросами жизни и смерти человека: дает новорожденному березу для первой люльки и кедр для последнего пути умершему. Она же определяет и выдает шаману его атрибуты. *Илынты котта* в одном варианте сама охраняет жизнь женщины при родах, в другом — посылает охранять жизнь роженицы уток. Утки в мировоззрении селькупов — символ жизни, поэтому в гроб умершему никогда не клали подушку из

утиных перьев. Утки входили в число главных атрибутов Жизненной Старухи, поэтому возможна трактовка образа Старухи как священной утки (Степанова 2010: 26–33, 61, 90–93 и др.).

Значительность мифическим уткам придавало также то, что они были важной частью питательного рациона селькупов. Существовало представление, что «такие перелетные птицы, как гуси, утки, посылались Небесной Старухой с неба. Она через небесную дыру бросала на землю птичьи перья, и они, долетая до земли, становились утками, гусями. Здесь их ловили старухины помощники и костяной иглой пробовали, много ли на них жиру. Если жиру было достаточно, они отпускали уток и гусей людям для промысла» (Прокофьева 1976: 118–119). Действительно, с марта по конец мая у селькупов часто не было возможности добыть себе достаточно пропитания, и они голодали, и только с прилетом уток могли снова досыта наестся.

В прошлом охота на весенних перелетных птиц походила скорее на общинную церемонию встречи птиц, в ней принимали участие все селькупы — от детей до стариков. Убитых уток приносили к жилищам и развешивали на деревьях. Собранную за два-три дня добычу варили в стоящем посреди стойбища (селения) большом медном котле (Головнёв 1995: 244). До 1920–1930-х годов к дням охоты на перелетных птиц у селькупов приурочивались церемонии оживления/освящения новых шаманских принадлежностей, представлявшие собой хорошо организованный праздник. Одна такая церемония была подробно описана Г. Н. Прокофьевым (1930).

Время трансформировало церемонию праздника, но он по-прежнему проводится. Нет больше шаманов, поэтому некому и не для кого оживлять шаманские принадлежности. Праздник сузился до рамок семейного и в ряде случаев индивидуального (Степанова 2016). Вот как о нем рассказывают информанты:

Наш старик имел обычай: первая утка летит, он ее добывает, толпу соберет, праздник сделает. Кружку утиного жира (бульона) в костер выливал — угостить-то огонь нужно (Степанова 2014: 131).

Утки летят — старики праздник делают. Уток постреляем, почистим, поедим. Потом поминки устраиваем. Бражку ставим. Косточки уток соберем и на дерево повесим. Бульон на стол ставят и гостей зовут. Это кто постарше делает — 50, 60 лет (ПМА).

Флаг красный, белый на березу вешаем. Оленю в уши ленты завязываем. Утку вареную на стол ставят, всей семьей садятся. Косточки никуда не бросают, в кулек собирают и вешают на дерево, чтобы собаки не съели, иначе неудача в жизни будет. Семь рюмок ставят богу на стол. Потом уже все едят. Рюмки потом возле дерева выливают (ПМА).

В этот день нужно сварить семь уток. Семь утиных сердец нанизать на ветку (прутик) и повесить (положить) на березу. Чтобы уток было много и охота в этот год была удачной. Чтобы показать, что мы, селькупы, живы, помним свои обычаи, помним своего бога и приносим ему дар (ПМА).

Убить 7 уток, сварить. Поставить 7 чашек с бульоном на стол. Уток вареных поставить отдельно. Если снег лежит, берешь ведро со снегом и ставишь у окна на улице, чтобы утки летящие пили. Берешь вареные желудки (их отдельно кладут), втыкаешь в них 7 палочек, как на шампур. Кладешь их в отдельный пакет и вместе с косточками уносишь в лес и вешаешь на дерево. В пакетике. Собакам нельзя давать! В этот день оленям уши протыкают и разноцветные ленточки привязывают. На березу белый материал (по полметра) вешают, черный — на кедр, красный — на сосну (ПМА).

В детстве в день прилета птиц тарелку с супом ставили на селькупском столике у задней стенки чума, покрытие чума там откидывали. Или столик с супом ставили на две нарты перед или рядом с чумом. Это чтобы духи кушали и нам благоволили. Также гостей звали. Бульон из прилетевших уток в этот день был обязательным (ПМА).

Еще в 1990-е годы в некоторых семьях, где хранятся шаманские вещи, жила традиция в день прилета уток «дарить» шаманским и домашним духам новые одежды, приклады и развешивать духов на срезанной и воткнутой в землю молодой березе (Степанова 2016).

Приведенные материалы свидетельствуют, что праздник встречи перелетных птиц у селькупов сохранился, к весенним уткам и гусям они относятся с прежним пиететом и помнят о том, что они символизируют. Однако нужно заключить, что, несмотря на сохранение сакрального значения уток для селькупов, к уткам-маньщикам оно не имеет никакого отношения. У уток-маньщиков автором не было зафиксировано ни одного значения, которое можно было бы связать с мифологическими утками или с праздником встречи перелетных птиц, из чего следует, что утки-маньщики находятся вне рамок сакральной селькупской культуры.

Объяснений этому может быть два. Первое — утки-маньщики находятся вне рамок традиционной культуры и являются поздно появившимся в жизни селькупов новшеством. Второе — в семиотическом статусе уток-маньщиков соотношение «вещности» и «знаковости» смещено в пользу «вещности», т. е. маньщик — полностью утилитарный предмет, который, несмотря на высокую степень мифологизации своего природного прообраза (утка), не обладает символическим значением. Такая характеристика некоторых предметов — тоже норма для культуры (Байбурин 1981: 215–216).

Еще один довод против исконности уток-маньщиков: в изобразительной традиции селькупов автор не обнаружила уток. Их нет среди металлических изображений птиц-помощников шаманов (у шаманов другие птицы-помощники — гагара, журавль, лебедь, орел). В деревянной сакральной скульптуре селькупов, представленной надмогильными резными столбами и крестами, птицы изредка встречаются в качестве навершия. Селькупы верили, что душа приходила к новорожденному в виде птички — солнечного луча, и в виде птички же она покидала умершего, но эти души-птички были явно не утками. На надмогильных столбах изображения птиц плоскостные, вертикальные, т. е. «поставленные на хвост», стилизованные, с короткой шеей, разведенными в стороны крыльями (рис. 5), контуры их никак не напоминают утку.

В коллекциях МАЭ автор нашла одно селькупское изображение летящей птицы, которое насаживалось на шест, втыкаемый в землю рядом с могилой (колл. № 1239-1). Крылья птицы сделаны из отдельного куска дерева и прибиты к туловищу железными гвоздями. Размеры фигурки совсем небольшие — 22×21 см. Это изображение не похоже на изображения птичек на навершиях надмогильных резных столбов, но и на утку-маньщика оно тоже не похоже.

Может быть, в литературной и музейной базе данных по деревянной скульптуре селькупов были допущены лакуны, изображения уток туда не попали случайно и следует все-таки искать связь селькупских уток-маньщиков с сибирской традицией использования и изготовления изображений птиц? Деревянные изображения птиц характерны для многих народов Сибири, однако изготавливались они, как правило, в ритуальных целях. Долганы и якуты «сажали» деревянных птиц на шесты и ставили их рядом с шаманскими захоронениями или украшали ими шаманские деревья. У эвенков посаженные на шесты деревянные птицы были частым атрибутом охотничьих ритуалов. Говорит сам за себя факт, что в сибирских фондах МАЭ много деревянных птиц от разных народов, но маньщиков среди них нет.

По технике исполнения селькупским уткам-маньщикам наиболее близки птицы уже названных долган, якутов и эвенков. Среди них есть такие же по объему, размеру, так же вытесаны топором. Но в большинстве случаев голова и шея у них вырублены из цельного куска дерева вместе с туловищем, и на спины изображений прикреплены отдельно вырезанные крылья. Изображения птиц у долган, якутов и эвенков отличаются натуралистичностью, поэтому в них можно узнать породу птиц. Преимущественно это изображения гагары, у которой шея более длинная, чем у утки. То есть считать селькупских уток-маньщиков похожими на традиционные изображения ритуальных птиц народов Сибири можно лишь с натяжкой.

Если зашел разговор о традиционной технике исполнения скульптурных изображений, нужно сказать несколько слов и о плотницких умениях селькупов. Е.Д. Прокофьева писала, что, когда

селькупов стали переводить на оседлость и выделять им ссуды на строительство домов, оказалось, что они плотницкой специальностью не владеют (Народы Сибири 1956: 684). Русские дома селькупы действительно до середины XX в. не строили, но сооружали себе зимние землянки, тоже сложной конструкции, олени сараи, лабазы на сваях, запоры с мордами — все по своей исконной традиции. Из дерева изготавливали лодки-челноки, делали нарты, приспособленные к езде по лесу, мастерили колыбели двух видов, обеденные столики, коробка, ножи, мешалки для теста, приспособления для распяливания шкур, скребки для выделки шкур, лыжи, виртуозно делали изделия из бересты, селькупские луки признаются учеными одними из лучших луков во всей Сибири и т.д. Также селькупы были искусны в изготовлении деревянной скульптуры сакрального назначения, среди которой нужно назвать уже упомянутые резные надмогильные столбы и антропоморфные кресты, изображения домашних духов и духов на святилищах, бубны, колотушки, гробы-колоды и т. д. Для производства всего этого у селькупов были специальные инструменты, тоже изготавливаемые самостоятельно: топоры двух видов, лучковое сверло, рубанок, молоток, деревянные гвозди (типы), киянки, шило, резак. Селькупы владели кузнечеством и могли выковывать железные части инструментов сами. То есть обработкой дерева селькупы владели издавна, традиционно и в технике изготовления предметов из дерева они не уступали другим народам Сибири. Однако плотницкое мастерство селькупов допускает, но не доказывает исконность изображений уток-маньчииков.

Среди материалов, собранных автором в пользу современного происхождения маньчииков, есть и совсем «радикальные» сведения. По сообщению нескольких информантов, их родители никогда не имели и не использовали маньчииков во время утиной охоты, по их мнению, появление маньчииков у селькупов «датируется» 1990-ми годами и связано с продажей в поселковых магазинах надувных резиновых уток-маньчииков фабричного производства.

Таким образом, автором был приведен ряд аргументов, говорящих в защиту версии современного происхождения селькупских уток-маньчииков, появлению их в селькупской культуре не ранее второй половины XX в., когда под русским влиянием в селькупской традиционности стали происходить изменения. Однако ни по отдельности, ни вместе эти доводы не являются стопроцентным доказательством изложенной гипотезы.

Далее пришел черед рассмотреть, какие у версии современного происхождения маньчииков есть контраргументы. Контраргумент собственно один, но более чем весомый. Охота на уток с помощью маньчииков, по устным сообщениям коллег автора, сегодня существует у всех народов Севера Сибири: у кето, долган, хантов, манси, чукчей и т.д., — что было бы маловероятным при отсутствии традиции. По данным, с трудом и не сразу найденным автором в литературе, использование маньчииков у сибирских этносов имеет глубокие исторические корни и является старинной практикой. Живые животные-маньчиики применялись раньше в охоте на дикого оленя и на куропаток, а изображения водоплавающих птиц и рыб — в охоте на птиц и в рыбной ловле (рыбной «охоте» с остройгой).

Тунгусы и долганы промыслили диких оленей с помощью дрессированных домашних оленей-маньчииков/маньчишников осенью во время гона, описания этой охоты есть в литературе (Третьяков 1871: 283–284; Народы Сибири 1956: 744–746). Упоминания о существовании этого способа у селькупов в литературу не попали. С февраля по апрель, в период «большой ходьбы», когда северные группы тазовско-туруханских селькупов традиционно выезжали для охоты на дикого оленя в тундру Толняр, где проходили тропы его миграций (Доброва-Ядринцева 1925: 74), этот способ вряд ли практиковался. Тем не менее при сходстве культур и наличии у некоторых групп селькупов и тунгусов одинаковых природных условий исключать его существования у селькупов нельзя. Очень вероятно, что селькупы, как и долганы, с помощью живой куропатки-маньчиика охотились на куропаток: птицу привязывали для этого к сети, в которую должны были попасться другие куропатки (Народы Сибири 1956: 746).

Если использование народами Сибири живых животных-маньчииков указывает на традиционность метода приманивания животных в широком, общем его смысле, то аналогия использования

изображений уток-маньщиков у селькупов и изображений животных-маньщиков у других народов будет уже более конкретной.

Согласно Палласу, в XVIII в. «самоедцы» изготовляли из дерева фигурки рыб, служившие приманками во время зимнего лова крупной рыбы (цит. по: Иванов 1970: 68). С. В. Иванов в монографии «Скульптура народов севера Сибири» пишет, что практика изготовления костяных и деревянных изображений рыбок-приманок восходит в Сибири к эпохе неолита и сохранилась до XX в. Рыбки-приманки известны нганасанам, эвенкам, орочам, ульчам, корякам и некоторым другим народам Сибири. Применяют эти предметы обычно зимой во время лова крупной рыбы в проруби. Подплывшую к приманке рыбу бьют острой. До недавнего времени этим способом охоты на рыбу пользовались эвенки Подкаменной и Нижней Тунгусок, а также северобайкальские эвенки. Рыбки-приманки делали из кости, а также из дерева. Деревянные фигурки утяжеляли при помощи свинцовых и медных вставок. Такие вставки, круглые на месте глаз и на теле, встречались и на некоторых костяных рыбках. Из свинца делали иногда голову и спинной плавник, имевший отверстие для привязывания веревки. Металл не только придавал необходимый вес приманке, но и привлекал своим блеском хищную рыбу. Рыбки-приманки отличаются реалистическими чертами: длина их составляет от 12 до 20 см, тело покрыто нарезками, в которые втерта черная краска, хвосты раздвоены, обозначены плавники (иногда выполненные из красного лоскутка), вырезаны глаза и т.д. Рыбки-приманки имеются в коллекциях РЭМ и Красноярского музея, в них можно узнать ельца, налима, чира, щуку (Иванов 1970: 141–142).

И наконец, у того же С. В. Иванова автор обнаружила сведения о том, что соседние селькупам народы севера Сибири для охоты на птиц применяли их деревянные изображения. Ханты, охотясь на перелетных птиц, «изредка» пользовались деревянными изображениями уток и гусей (Иванов 1970: 11). У эвенков дети, играя, «пускали на воду маленькую деревянную утку-приманку со вставной шейкой и головой; дергая ее за веревочку, заставляли “клевать”» (Иванов 1970: 143). В сочинении капитана Г. А. Сарычева, вышедшем в 1802 г., приводятся данные о ловле у эвенков турпанов с помощью деревянной фигуры самки-турпана: «Чучелу прикрепляют на конце длинного шеста, а впереди нее на тот же шест насаживают железное копыцецо. Таким образом изготовившись, держат сей шест впереди на поверхности воды и подъезжают на однодревках к стаду самцов, которые, увидя чучелу и почитая ее за живую самку, подплывают к ней весьма беспечно. Тогда тунгусы без всякого затруднения колют их вышеупомянутым копыцецом» (цит. по: Иванов 1970: 142).

Последние приведенные материалы заставляют сделать вывод о том, что, по-видимому, способ охоты на перелетных водоплавающих птиц с применением изображений маньщиков в селькупской традиции имелся, но использовался он у них, как и у соседних с ними народов, редко, поэтому не оставил заметных следов ни в литературе, ни в собраниях этнографических музеев.

Итак, в исследовании, выясняющем время появления и происхождение изображений уток-маньщиков, которых современные селькупы используют в охоте на водоплавающих птиц, утки-маньщики были рассмотрены подробно и с разных сторон. При анализе имеющихся литературных материалов по традиционной селькупской охоте ни описаний, ни даже упоминаний об охоте с утками-маньщиками найдено не было. Так же как не были обнаружены ритуальные или утилитарные изображения уток ни у селькупов, ни у других народов Сибири в коллекциях МАЭ. Поиск аналогий изображениям уток-маньщиков по технике исполнения у тех же народов тоже дал неудовлетворительные результаты. Утки-маньщики были изучены с позиции их семиотического статуса. Было установлено, что в пропорции «вещности» и «знаковости» маньщиков «вещность» берет верх над «знаковостью» и ни одно из множества ярких и важных символических значений утки в культуре селькупов с маньщиками связи не имеет. Семиотический статус маньщиков не смог подтвердить их традиционности. Автор готова была уже сделать вывод о современном происхождении маньщиков и соотнести их появление у селькупов со второй половиной XX в., временем, когда в традиционную селькупскую культуру хлынули нововведения, но, работая над другой

статьей, нашла подтверждения того, что маньщики все-таки входили в числе традиционных элементов культуры селькупов. Этим подтверждением стали данные о том, что в старину у эвенков и «самоедов» были деревянные изображения птиц-маньщиков и рыбок-маньщиков. Была найдена аналогичная старинная традиция в культурах соседних с селькупами народов, и это служит самым надежным доказательством традиционности селькупских маньщиков. Отрицательные результаты предыдущих поисков автор объясняет тем, что охота на водоплавающих птиц с помощью маньщиков у народов Сибири практиковалась редко, поэтому была плохо зафиксирована исследователями, а у селькупов не зафиксирована вовсе. Широкое использование маньщиков современными селькупами, возможно, связано с изменением характера охоты, превращением ее из коллективной в семейную и сокращением объемов добываемой птицы.

Подтверждение традиционности изображений уток-маньщиков повышает их ценность в качестве коллекционных предметов МАЭ РАН. Исследование также поднимает значимость этих изображений для культуры селькупов: маньщики становятся в ней одним из тех уже немногочисленных элементов, которые принадлежат одновременно дню вчерашнему и дню сегодняшнему. Исследование селькупских маньщиков вносит вклад в этнографическую науку и будет актуально для селькупов, у которых сейчас происходит процесс формирования новой этничности, собирания и переосмысления традиционной культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 2018, 2019, Красноселькупский район Тюменской области.
- Байбурун А. К.* Семантический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1981. Т. 37. С. 215–226.
- Гемуев И. Н., Соловьев А. И.* Стрелы селькупов // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 39–54.
- Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
- Головнёв А. В., Тучкова Н. А.* Хозяйство. Селькупы // Народы Западной Сибири. Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 317–329.
- Доброва-Ядринцева Л. Н.* Туземцы Туруханского края. Новониколаевск, 1925.
- Иванов С. В.* Скульптура народов Севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л., 1970.
- Народы Сибири / под ред. М. Г. Левина, Л. П. Потапова. М.; Л., 1956.
- Прокофьев Г. Н.* Церемония оживления бубна у остяко-самоедов // Известия ЛГУ. Т. II. Л., 1930. С. 365–373.
- Прокофьева Е. Д.* Старые представления селькупов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 106–128.
- Степанова О. Б.* Особенности современного хозяйственно-культурного положения коренных народов Севера Красноселькупского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Культурное наследие народов Сибири и Севера: материалы VI Сибирских чтений. Санкт-Петербург, 27–29 октября 2004 г. СПб., 2005. С. 167–173.
- Степанова О. Б.* Традиционное мировоззрение селькупов: представления о круговороте жизни и душе. СПб.; Абакан, 2010.
- Степанова О. Б.* Северные селькупы: система традиционных взглядов в зеркале одного интервью // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 2 (5). С. 124–131.
- Степанова О. Б.* Селькупский праздник встречи перелетных птиц: прошлое и настоящее // Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г. СПб., 2016. С. 282–290.
- Третьяков П.* Туруханский край, его природа и жители. СПб., 1871.

SELKUP *MAN'SHCHIKS*: THEIR ORIGIN, PRODUCTION AND USE

ABSTRACT. The study identifies Selkup *man'shchiks*, wooden imitations of ducks used by Selkups for duck hunting, which were brought by the author from an expedition to replenish the collections of the MAE. The study was initiated by the question when this type of objects appeared in the life of Selkups, which arose during her registration of the *man'shchiks* for the MAE storage. The study examines the ways of duck hunting and hunting with the use of *man'shchiks* in the past and present among Selkups and neighboring peoples. It analyses Siberian traditions of bird imagery and evaluates the carpentry skills of Selkups. The author examines the *man'shchiks* for the presence of symbolic meanings by measuring the proportion of “thingness” and “significance”, which enables her to identify their semiotic status in the Selkup culture. As a result of the study, the attribution of the *man'shchiks* to the original Selkup hunting tradition is confirmed.

KEYWORDS: Selkups, modern and traditional hunting, hunting devices, *man'shchik*, traditional symbolism of duck, traditions of depicting birds among the peoples of Siberia

OLGA B. STEPANOVA — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of Siberia, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russia)
E-mail: stepanova67@mail.ru